

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

М. С. Мейер

К ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ТУРЦИИ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА¹

На протяжении последних десятилетий изучение истории Турции шло очень интенсивно. Существенно расширилась источниковедческая база, изменилась тематика исследований, накоплен богатый материал по важнейшим проблемам экономической, социальной, политической и культурной жизни турецкого общества на различных этапах его существования. Появился и ряд сводных работ, авторы которых стремились обобщить итоги многочисленных исследований турецких и западных буржуазных ученых и историков-марксистов социалистических стран². Знакомство с такими трудами, создавшимися, как правило, на основе университетских лекционных курсов, позволяет увидеть как принципиальные различия марксистской и буржуазной историографии, так и особенности концепций отдельных ученых. При всех своих расхождениях в оценке исторического прошлого Турции современные исследователи единодушны в одном: существующие общие схемы нуждаются в значительных коррективах. Серьезному пересмотру подвергаются, в частности, представления об истории Турции в средние века и новое время. Интерес к эпохе XI—XVIII вв. объясняется разными причинами, но прежде всего в ней ищут ответ на вопрос о причинах отсталости Турции. В данной работе делается попытка суммировать те взгляды, которые были высказаны туркологами за последние 20 лет по поводу тенденций развития Турции в указанное время, и изложить точку зрения автора статьи по этому вопросу.

Периодизация истории Турции уже давно обсуждается советскими учеными. Ей был посвящен доклад Е. А. Беляева в 1946 г.³, о ней много писалось в связи с выходом в свет «Краткой истории Турции» А. Ф. Миллера⁴. Позднее этой проблеме было уделено особое внимание в «Истории Турции» А. Д. Новичева⁵, в очерках истории Турции А. Ф. Миллера⁶. Авторы перечисленных работ придерживаются единых принципов периодизации, основанной на марксистско-ленинском учении об общественно-экономических формациях. Они рассматри-

вают историю Турции на протяжении XI—XVIII вв. как время складывания и развития феодальных отношений. Эту точку зрения разделяют и историки социалистических стран⁷. Большинство турецких и западных авторов либо полностью отвергают господство феодальных отношений в средневековой Турции, либо признают наличие «квазифеодальных» порядков. Они предпочитают говорить о «традиционном обществе». На смену эпохе традиционных институтов и соответствующего образа мышления приходит другая, отмечающаяся усилиями по «модернизации» страны. Ни в одной из таких работ нет четкого ответа на вопрос, почему традиционное общество не может быть феодальным. Обычно мнение историков-марксистов просто отвергается как «догматическое»⁸.

Признание единых принципов периодизации не исключает расхождений среди советских туркологов по ряду частных вопросов: о хронологических рамках эпохи феодализма, по поводу характеристики отдельных этапов, определения специфических особенностей феодализма в Турции. Они вытекают из слабой разработанности ряда проблем социально-экономической истории, а также из-за недостаточно последовательной трактовки понятия «история страны».

Ограниченность подхода историков к понятию «страна» отметил еще Б. Ф. Поршнев. Он указывал, что чаще всего оно сближается либо с представлениями о народе, либо с представлениями о территории, определенной государственными границами, но ни то ни другое не тождественно первому термину. Поэтому, как считал Б. Ф. Поршнев, слово «страна» является в устах историков «завуалированным синонимом государства, и тот, кто пишет историю страны, в огромной степени понимает под ней историю государства»⁹. Разумеется, подобный подход присущ прежде всего буржуазным историкам. Историки-марксисты опираются на глубокое и научно верное определение страны, отечества, данное В. И. Лениным в 1908 г. в ходе полемики с Эрве: «Отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата...». И далее: «Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны»¹⁰. На основе ленинского высказывания мы рассматриваем историю страны как процесс складывания и развития общественной среды, иначе говоря, как историю данного общества. Соответственно при периодизации истории страны необходимо учитывать как политические, так и социальные, культурные и этно-религиозные факторы.

К сожалению, при периодизации истории Турции часто учи-

тывались только политические факторы. Так, для Е. А. Беляева история Турции «начинается... с образования турецкого государства, т. е. с перехода турок из стадии варварства в стадию цивилизации»¹¹. Исходным моментом, по его мнению, явилось образование Сельджукидского государства в Малой Азии в XI в. Это же событие принял в качестве начальной даты турецкой истории А. Д. Новичев¹². А. Ф. Миллер считал, что изложение истории страны следует начинать не ранее 20-х годов XIV в., когда появились первые признаки османской государственности¹³. Суть разногласий, конечно, не в том, какое событие являлось исходным для турецкой истории. Вопрос стоит значительно шире: следует ли включать в нее целый исторический период — XI—XIII вв.

Традиционно изложение средневековой турецкой истории начиналось с момента возникновения Османского государства. Все, что предшествовало этому, принималось во внимание в лучшем случае как своеобразное предисловие к османской истории¹⁴. Однако в современных исследованиях все четче вырисовывается тенденция рассматривать доосманский период как составную часть истории страны¹⁵. Эту точку зрения изложили в своих работах Е. А. Беляев и А. Д. Новичев. Однако приведенная ими аргументация отнюдь не подтверждает их концепцию, поскольку Сельджукидский султанат, созданный переселившимися в Малую Азию тюрками-огузами, не может быть назван турецким государством. Это обстоятельство и имел в виду А. Ф. Миллер, отстаивая свою схему периодизации турецкой средневековой истории.

Разногласия по поводу начального этапа турецкой истории возникли из-за недостаточного внимания к проблеме этногенеза турок. Более внимательное рассмотрение истории формирования турецкой народности позволяет найти правильное решение спорного вопроса. Как отмечают современные исследователи¹⁶, турецкий народ сложился из различных этнических компонентов, в его формировании наряду с тюркскими племенами важную роль сыграли местные анатолийские и позднее балканские народы — греки, армяне, курды, славяне. Важное значение для окончательного складывания турецкой народности имели события османской истории XIV—XV вв., но начальный толчок этому процессу дала массовая миграция огузо-туркменских племен на территорию Малой Азии со второй половины XI в. Очевидно, что изменение демографической ситуации в Анатолии стало исходным условием для зарождения турецкого общества. Поэтому доосманский период следует рассматривать как начальный период истории Турции, ее неотъемлемую составную часть.

Сложнее определить конечный рубеж эпохи феодализма. Е. А. Беляев считал, что «стадия разложения османского фео-

дализма, последняя стадия средневековья начинается при премниках Сулеймана в конце XVI в. и охватывает два последующих столетия. Эпоха новой истории открывается в Турции с конца XVIII в...»¹⁷. Для А. Д. Новичева таким рубежом являются 80-е годы XVIII в. К этому времени турецкий феодализм, по его мнению, окончательно исчерпал свои возможности развития и стал сдерживать дальнейший прогресс общества¹⁸. Подробное объяснение базируется на более верной оценке происшедших событий и потому более приемлемо, хотя следует оговорить, что и в XIX в. феодальные отношения оставались господствующими. Видимо, следовало бы выделять в истории Турции отдельный переходный период, который, начинаясь на рубеже XVIII—XIX вв., завершался в конце XIX в. К его характеристике мы еще вернемся.

Принимая в целом хронологические рамки, предложенные Е. А. Беляевым, А. Д. Новичевым, трудно согласиться с их стремлением поставить знак равенства между эпохой феодализма и средневековьем. Подобное тождество, на наш взгляд, неправомерно. Если общество находится на уровне феодального развития, из этого еще не следует, что оно может существовать только в период средних веков. В ряде стран Азии и Африки феодальные отношения оставались господствующими до конца нового времени, а в некоторых — даже в новейшее время.

Предлагая определенную внутреннюю периодизацию истории Турции XI—XVIII вв., советские ученые исходят из эволюции феодальных отношений в данном обществе. Однако схемы, разработанные Е. А. Беляевым и А. Д. Новичевым, страдают некоторой упрощенностью. Они предполагают, в частности, непрерывность общественного прогресса: эволюция от патриархально-феодальных отношений к развитым была начата при Сельджукидах и продолжена в османский период. В этой связи хотелось бы напомнить слова В. И. Ленина, который, характеризуя «большие исторические эпохи», писал: «В каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений»¹⁹. Важнейшая особенность развития феодализма на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе и в Турции, заключается в том, что этот процесс может быть представлен движением по спирали, каждый виток которой означал и определенный регресс, возврат к прошлому, и определенный прогресс по сравнению с ранее достигнутым уровнем²⁰. Подобный путь развития определяется рядом факторов, в том числе постоянным сосуществованием оседлых и кочевых обществ в рамках одного географического региона.

Роль кочевников, как необходимого условия жизни стран

Ближнего и Среднего Востока в эпоху феодализма, еще недостаточно изучена, хотя в последние годы эта тема привлекает пристальное внимание исследователей²¹. Однако уже сейчас можно говорить, что кочевники оказали серьезное влияние как на экономическую жизнь (ограничивая возможности экстенсивного земледелия), так и на социальное развитие (консервируя патриархально-феодалные отношения, кровнородственные связи) и политическую организацию общества (способствуя утверждению сильных централизованных держав-деспотий). Велико их влияние и на этнические процессы, ибо появление очередных волн кочевой миграции ускорило возникновение новых этнических общностей и исчезновение старых. Ослабление центральной власти при наличии обширной кочевой периферии и продолжавшегося на протяжении всей эпохи переселения народов создавало благоприятные условия для завоевания данной страны другим государственным объединением или племенным союзом. В масштабах региона таких завоеваний было по крайней мере четыре — арабское, сельджукское, монгольское и турецкое. Каждое из них сопровождалось значительным увеличением кочевых элементов в обществе и усилением патриархально-феодалного уклада. Лишь с началом широкого использования огнестрельного оружия на Ближнем Востоке (XV—XVI вв.) роль кочевых миграций в масштабах региона упала, но в рамках отдельных стран кочевники продолжали играть важную роль вплоть до XX в.

В истории Турции можно выделить две крупные волны переселений кочевников. Одна из них (в XI в.) положила начало тюркской колонизации Малой Азии. О ней уже было сказано раньше. Другая проходила в XIII в. и была тесно связана с монгольским нашествием²². Историки еще не оценили в должной мере ее значение. Между тем вторая волна миграции тюркских племен оказала решающее влияние на процесс образования турецкой народности, способствовала упадку Сельджукидов и возвышению Османского государства. С ней же связано определенное попятное движение в эволюции феодальных отношений в Турции. Как показали исследования некоторых советских и зарубежных ученых, османское общество в первой половине XIV в. находилось на крайне низкой «полуварварской» ступени развития²³. Вряд ли можно согласиться с мнением А. Д. Новичева и некоторых других авторов, что к концу XIV— началу XV в. Турция перешла от ранней стадии развития феодальных отношений к развитой²⁴. Складывающаяся в это время тимариотская система с ее жесткой регламентацией прав военных ленников также не подтверждает этой гипотезы²⁵. Общий уровень социально-политической и культурной жизни при первых османских правителях в XIV в. представляется значитель-

но более низким, чем в Сельджукидском государстве в середине XIII в. Следовательно, можно считать, что вторая волна тюркских кочевников и последовавшее за ней монгольское нашествие, став причиной общественного регресса, положили начало второму витку в развитии страны.

Два цикла — сельджукидский и османский, на которые распадается эпоха феодализма, имеют и общие черты, и существенные различия. Общая черта аграрного строя Турции на протяжении XI—XVIII вв. — сосуществование двух систем земельной собственности, отражавших различное отношение к земле в кочевой и оседлой среде. Для одной из них было характерно господство государственных форм собственности на землю как на территорию с подвластным населением. В основе другой лежала собственность отдельных лиц на землю как условие производства. Таким образом, поземельные отношения развивались в виде двух параллельных процессов: на основе складывания систем условных пожалований с правом сбора налога и путем экспроприации владельческих прав крестьян на землю и превращения их в арендаторов-издольщиков. Соотношение этих систем на отдельных этапах менялось. Стадия раннего феодализма была отмечена усилением значения государственной собственности. В общественно-политической жизни эта тенденция связана с созданием централизованного государства с деспотической властью правителя. На стадии развитого феодализма возрастала роль уклада, базировавшегося на крупной частной собственности. Условные пожалования постепенно превращались в безусловные, землевладельца-налогооборщика вытеснял феодал, более заинтересованный в хозяйственной эксплуатации земли. В политической жизни общества усиливались центробежные тенденции, власть центрального правительства заметно ослабевала.

Описанная эволюция аграрных отношений и форм политической организации прослеживается в каждом из циклов феодальной истории Турции. Однако пределы ее осуществления неодинаковы. В сельджукидский период мы отмечаем лишь переход от раннего феодализма к развитому. Тенденции, присущие стадии зрелого феодального общества, не могли реализоваться полностью. Они были прерваны новым вторжением тюркских кочевников и монгольским нашествием. Соответственно в рамках этого цикла следует выделить две основные стадии. Первая из них начинается с массового переселения тюркских кочевников на территорию Малой Азии во второй половине XI в. и заканчивается объединением тюркского населения Анатолии под властью Сельджукидов на рубеже XII—XIII вв. Вторая стадия (XIII в.) отмечена переходом к развитым феодальным отношениям, свидетельством чего является постепенное

усиление крупного частного землевладения. В конце XIII в. на развалинах Конийского султаната появляется целый ряд независимых бейликов (княжеств), в их числе и Османский бейлик.

Османский цикл истории Турции изучен значительно лучше, чем сельджукидский. Однако и в рамках этого периода имеется немало спорных и неизученных явлений, что серьезно затрудняет выявление его особенностей. За последнюю четверть века турецкие и западные авторы предложили ряд модификаций прежней периодизации османской истории²⁶. Почти все они по-прежнему были построены на основе политического развития страны. Их авторы, следуя схеме, предложенной в XVIII в. Д. Кантемиром, делят турецкую историю на периоды «возвышения» и «упадка» османской державы. Принципиально новый подход был предложен лишь К. Карпатом, который взял за основу периодизации социальные сдвиги, происходившие в османском обществе²⁷. Его выводы несомненно заслуживают серьезного внимания, но предложенный автором критерий не может быть признан достоянием, к тому же К. Карпат учитывал изменения только в рядах правящей элиты.

Значительное расширение наших знаний о жизни турецкого общества в османскую эпоху требует определенного уточнения и существующих в советской литературе представлений об этом периоде. Сначала отметим ту особенность цикла, которая до сих пор не привлекала внимания историков: изменение в соотношении сил между оседлым населением и кочевниками в пользу первых²⁸. Следовательно, по крайней мере на части территории страны появляются условия для завершения длительной эволюции феодальных отношений. По мере уменьшения воздействия кочевой периферии в турецком феодализме начинают выявляться черты, сближающие его с европейской моделью. На это обстоятельство обратили внимание еще основоположники марксизма. Так, Ф. Энгельс, опираясь на материалы XVIII—XIX вв., писал: «Только турки впервые ввели на Востоке в завоеванных ими странах нечто вроде помещичьего феодализма»²⁹. Интересно, что некоторые турецкие историки, отрицающие феодальный характер османского общества в XIV—XVI вв., считают возможным говорить о «феодализации» Турции в XVIII в.³⁰

История страны определяется не только совокупностью внутренних обстоятельств. В османскую эпоху выявилось опережающее развитие европейских государств. Вытекавшее из особенностей эволюции феодальных отношений, связанных также с переносом мировых торговых связей на океан и падением роли левантской торговли, отставание Турции в дальнейшем стало важным фактором, тормозившим прогресс страны. В частности, оно привело к изменению характера экономических от-

ношений с Западной Европой, к превращению Турции в поставщика сельскохозяйственной продукции и потребителя европейских промышленных изделий.

Отмеченные особенности османского цикла следует учитывать при его периодизации. В истории Турции этого времени хорошо различаются две основные фазы. Первая из них, характеризующаяся преобладанием раннефеодальных отношений, начинается с появления ряда «полуварварских» бейликов на территории Сельджукидского государства и завершается превращением Османского государства в крупнейшую державу своего времени в середине XVI в. Однако обнаруживающиеся одновременно первые признаки упадка военно-феодальной структуры империи позволяют говорить о наступлении второй фазы — зрелого феодализма. Этот период завершается на рубеже XVIII—XIX вв., когда становится ясным, что феодальные порядки не могут уже обеспечивать дальнейшего прогресса страны.

Эволюция общественных отношений лучше прослеживается, если каждую из фаз разделить на отдельные этапы. В рамках первого периода предлагается различать два этапа. Временным рубежом между ними можно считать середину XV в. Начальный этап отличается политической раздробленностью, в социально-экономической и культурной жизни княжеств еще очень сильны родо-племенные и патриархально-общинные традиции. Несмотря на ясно обозначившийся процесс оседания тюркских кочевников на землю, военные набеги с целью грабежа и захвата новых земель сохраняют для них первостепенное значение. Вместе с тем появление важнейших институтов политической и религиозной власти, воспроизводивших соответствующие образцы арабо-мусульманского средневекового мира, способствовало укреплению феодальных порядков и усилению позиций правителей³¹. К середине XV в. османские султаны, подчинив своей власти остальные анатолийские бейлики, завершают процесс объединения турецкого общества в рамках единого государства.

Второй этап отмечен быстрым прогрессом османской державы. Военно-политические успехи ее правителей связаны с расширением социальной базы их власти за счет включения в правящий класс большого числа военных ленников (тимариотов) и дворцовых рабов (капыкулу). Консолидация класса феодалов сопровождалась превращением основной массы сельского населения в феодально-зависимое податное сословие (райя), чей статус при Мехмеде II Фатихе (1451—1481) и Селиме I Явузе (1512—1520) был закреплен соответствующим законодательством. В общественной жизни усилилось влияние исламских и византийских институтов, постепенно вытеснявших традиции тюркского общества. Меняется и характер завоеваний: грабительские

набеги отходят на второй план, уступая место борьбе за политическое господство в Европе и Азии³².

В работах историков часто можно встретить утверждение, что складывание Османской империи во второй половине XV—первой половине XVI в. представляет высшую точку развития турецкого общества в докапиталистическую эпоху³³. Однако если критерием оценки являются не военные успехи и территориальные захваты, а процессы, происходившие в области производства и общественных отношений, то вряд ли можно принять подобную точку зрения. Представляется более обоснованной точка зрения А. С. Тверитиновой, что в это время происходит переход к более высокой фазе социального развития³⁴.

В работах, посвященных турецкой истории со второй половины XVI до конца XVIII в., прежде всего отмечается падение военного и политического могущества Османской империи под влиянием разложения военно-ленной системы землевладения. Упадок империи некоторые авторы, в частности Е. А. Беляев, принимают за проявление кризиса османского феодализма³⁵. Подобное мнение ошибочно. По сути дела, распад тимариотской системы означал складывание нового общественно-политического режима, соответствующего развитым феодальным отношениям.

Анализ процессов, происходивших в стране, и их воздействия на различные слои общества позволяет разделить и этот период на два этапа, рубежом между которыми являются последние десятилетия XVII в. В первом из них элементы нового выступали, как правило, в оболочке «классических» османских институтов и способствовали их внутреннему перерождению. Поэтому историки отличают обычно негативные моменты: малую эффективность военно-административной системы, падающую боеспособность феодального конного войска и янычарской пехоты, прекращение территориального расширения империи, сепаратизм местных пашей, оскудение тимариотов — наиболее массовой прослойки турецких феодалов, сосредоточение многих тимаров в руках дворцовой бюрократии, ухудшение материального положения крестьян и появление большого числа беглых райятов.

Сущность новых явлений более отчетливо проявляется на следующем этапе. Именно в это время первостепенную роль в жизни страны начинают играть крупные землевладельцы — аяны и деребеи³⁶. Их возвышение свидетельствует о выделении внутри правящего класса новой прослойки, к представителям которой применимы слова К. Маркса: «Место старого эксплуататора, у которого эксплуатация носила более или менее патриархальный характер, так как являлась главным образом орудием политической власти, занимает грубый, жадный до денег выскочка»³⁷. Об их склонности к хозяйственной эксплуатации

своих владений свидетельствует появление частнофеодальных поместий — чифтликеров, а также связь аянов со сбытом сельскохозяйственной продукции через каналы внешней торговли. Широкое распространение получает издольщина как результат потери крестьянами их владельческих прав на землю и превращения в арендаторов. Сконцентрировав в своих руках значительную часть земельного фонда, установив контроль над сбором налогов и рекрутированием войска, аяны стали подлинными правителями в анатолийских и балканских провинциях. Сложившаяся в XVIII в. политическая ситуация отличалась изменением соотношения сил между центром и периферией в пользу последней и хронической нестабильностью, определявшейся постоянной враждой в среде аянов и дербеев³⁸. Значительные территориальные потери являются выражением не только военной отсталости, но и прогрессирующего ослабления центральной власти.

Начинающийся на рубеже XVIII—XIX вв. период турецкой истории обычно именуется «эпохой реформ». Его можно было бы считать стадией позднего феодализма, когда в недрах разлагающегося феодального способа производства начинают складываться капиталистические отношения. Однако окончательные итоги «эпохи реформ» заставляют уточнить ее оценку. Включение Турции в складывавшуюся систему мирового капиталистического хозяйства в качестве источника сырья и рынка сбыта замедлило темпы и деформировало развитие страны. Крайне медленное зарождение капиталистического уклада способствовало консервации феодальных порядков, оказало угнетающее влияние на социальную, политическую и культурную жизнь, а в конечном итоге подготовило превращение Турции в полуколонию европейских держав.

Рассмотрение вопросов, затронутых в статье, показывает, что периодизация истории Турции в эпоху феодализма требует учета не только эволюции политической жизни, но и результатов социально-экономических, культурных и этнических процессов. Складывание и развитие феодализма в стране происходило под воздействием ряда постоянно действовавших и некоторых новых факторов. К числу первых можно отнести постоянное сосуществование кочевых и оседлых обществ, определяемое спецификой природных условий. Важную роль сыграли в обусловленные самим географическим положением Турции контакты между Западом и Востоком, способствовавшие синтезу социально-экономических и культурных институтов, присущих европейскому и азиатскому средневековью. Среди новых факторов, оказавших воздействие на судьбы страны в османскую эпоху, сле-

дует отметить опережающее развитие ведущих государств Европы.

Большое влияние на эволюцию феодальных отношений в Турции оказали миграция тюркских кочевых племен и полукочевого населения в XIII в. и последовавшее за ней монгольское нашествие. Они привели к временному регрессу в социальном развитии. Для того чтобы турецкое общество вновь вышло на стадию зрелого феодализма, потребовалось (при наличии чрезвычайно благоприятной среды) примерно 300 лет. За это время европейские страны ушли далеко вперед. Таким образом, отставание Турции определялось не столько медленным развитием производительных сил или консервативным мышлением, неспособным воспринимать технические новшества, сколько специфическим путем развития страны в эпоху феодализма.

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на заседании Туркологического кабинета им. В. А. Гордлевского в ИВ АН СССР и Тюрко-монгольского кабинета Ленинградского отделения ИВ АН СССР.

² R. Mantran. Histoire de la Turquie. P., 1961; А. Д. Новичев. Турция. Краткая история. М., 1965; R. H. Davison. Turkey. N. Y., 1968; J. Reychman. Historia Turcji. Wrocław, 1973; A. Mustafa Mehmed. Istoria turcilor. Bucuresti, 1976.

³ Е. А. Беляев. Периодизация средневековой истории Турции.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии. М., 1947, № 1, с. 85—88.

⁴ См., в частности, рецензию А. С. Тверитиновой в «Ученых записках» ЛГУ, № 128. Серия востоковедч. наук, вып. 3, 1952, с. 221—229.

⁵ А. Д. Новичев. История Турции. Т. 1. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.). Л., 1963.

⁶ А. Ф. Миллер. Турция. Исторический очерк.— Советская Историческая Энциклопедия. Т. 14, с. 558—587; он же. Турция. Исторический очерк.— Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 27, с. 375—380.

⁷ N. Filipović. Pogled na osmanski feodalizam (sa naročito obzirom na agrarne odnose).— Godišnjak Istorijskog društva Bosne i Hercegovine. T. 6. Sarajevo, 1952, с. 5—146; K. Bastaić. Timarsko vlasništvo u feodalnom sistemu osmanlijske Turske (od XV do XVII st.). Zagreb, 1958; В. П. Мутафчиева. Аграрные отношения в Османската империя през XV—XVI вв. София, 1962.

⁸ «Чтобы критиковать концепцию, которая рассматривает Османское государство как феодальный институт, а налоги, взимаемые правительством, согласно законам как несправедливую эксплуатацию народа, следовало бы воспроизвести всю критику, направленную против исторического материализма... Но вне всякого сомнения, исследования, углубленно изучающие определенный аспект реальной жизни, несмотря на их доктринерскую интерпретацию, обогащают наши знания, особенно наши знания о жизни народных масс» (H. Inalcik. L'Empire Ottoman.— Actes du premier Congrès international des études balkaniques et Sud-Est européennes. Vol. 3. Histoire. Sofia, 1969, с. 98).

⁹ Б. Ф. Поршнев. Мыслима ли история одной страны? — Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969, с. 307.

¹⁰ В. И. Ленин. Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии.— Полное собрание сочинений. Т. 17, с. 190.

¹¹ Е. А. Беляев. Периодизация средневековой истории Турции, с. 85.

¹² А. Д. Новичев. История Турции. Т. 1, с. 5.

¹³ А. Ф. Миллер. Турция. Исторический очерк.— Советская историческая энциклопедия. Т. 14, с. 558.

¹⁴ Таков подход к изложению турецкой истории в книгах Р. Мантрана и Р. Дэвисона. К истории Османской империи сведен раздел средневековой Турции (авторы М. С. Мейер и Н. А. Смирнов) в учебнике «История стран Азии и Африки в средние века». М., 1968.

¹⁵ С. Cahen. Pre-Ottoman Turkey. L., 1968; S. Vrigonis. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from Eleventh Through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971.

¹⁶ См.: Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. М., 1971, с. 158—159; С. Cahen. Pre-Ottoman Turkey, с. 143—155. Иная точка зрения на этническую историю турок у румынского историка Мехмеда (А. Mustafa Mehmed. Istoria turcilor, с. 85—106).

¹⁷ Е. А. Беляев. Периодизация средневековой истории Турции, с. 85—106.

¹⁸ А. Д. Новичев. История Турции. Т. 1, с. 4.

¹⁹ В. И. Ленин. Под чужим флагом.— Полное собрание сочинений. Т. 26, с. 142.

²⁰ См. подробнее: М. С. Мейер. Проблемы типологии феодализма на Ближнем Востоке.— Типология развитого феодализма в странах Востока. Тезисы докладов и сообщений. М., 1975, с. 3—6; А. П. Новосельцев, Т. В. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1971, с. 122—125.

²¹ См.: Д. Е. Еремеев. Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969; М. С. Иванов. Племена фарса кашкайские, хамсе, кухгилуйе, мамасани. М., 1961; А. Д. Новичев. Турецкие кочевники XV—XVIII вв.— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; В. В. Трубецкой. Бахтиары. М., 1972; The Desert and the Sown. Nomads in the Wider Society. Berkeley, 1973; X. de Planhol. De la plaine Pamphylienne aux lacs Pisidiens. Nomadisme et la vie paysanne. P., 1958; С. А. О. van Nieuwenhuijze. Sociology of the Middle East. A Stock-taking and Interpretation. Leiden, 1971, с. 397—417; Cambridge History of Islam. P. 8. The Geographical Setting. Cambridge, 1972, с. 447—468; F. Sümer. Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, boy teskilâtı, destanları. Ankara, 1967.

²² О второй волне тюркской миграции в Малую Азию см.: Д. Е. Еремеев. Этногенез турок, с. 126—128; С. Cahen. Pre-Ottoman Turkey, с. 314—317.

²³ А. С. Тверитинова. Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии.— «Византийский временник». Т. 7. М., 1953, с. 13—15; S. Vrigonis. Nomadisation and Islamization in Minor Asia.— *Dumbarton Oaks Papers*. Wash., 1975, vol. 29, с. 43—71; Koyama Koichiro. Osman and the First Organization of the Ottoman Turks.— *To:ô:ragukho*. Tokio, vol. 50, № 3, с. 37—78 (резюме на англ. яз.).

²⁴ А. Д. Новичев. История Турции. Т. 1, с. 35.

²⁵ В. Мутафчиева. Аграрные отношения в Османской империи през XV—XVI в., с. 44—48.

²⁶ Характерным примером может служить схема, предложенная Х. Иналджиком, который в рамках интересующего нас 500-летнего цикла выделяет пять этапов: 1) начальный (1300—1402); 2) период консолидации и реорганизации (1402—1481); 3) период усилий по созданию мировой империи (1481—1571); 4) кризис и борьба вокруг путей развития (1571—1699); 5) период поражения и признания европейского превосходства (1699—1826) (см.: К. Н. Карпат. Structural Change, Historical Stages of Modernization and the Role of Social Groups in Turkish Politics.— *Social Change and Politics in Turkey. A Structural Historical Analysis*. Leiden, 1973, с. 28).

Р. Мантран выделяет три основных этапа: 1) время существования ана-

толийских княжеств и начало османов (1300—1402); 2) развитие и апогей Османской империи (1402 г.— вторая половина XVI в.); 3) упадок империи (вторая половина XVI — конец XVIII в.). Р. Дэвисон также указывает три этапа: 1) переходный — от степи к империи (до 1453 г.); 2) «золотой век» Османской империи (1453—1566); 3) упадок веры и государства (1566—1792).

²⁷ В рамках периода XIV—XVIII вв. К. Карпат предлагает выделить три этапа: 1) преобладание пограничных беев (XIV—середина XV в.); 2) существование централизованного квазифеодального государства (вторая половина XV — конец XVI в.); 3) провинциальная автономия и усиление аянов (конец XVI — конец XVIII в.).

²⁸ Эта тенденция проявилась главным образом в Румелии и Западной Анатолии. Обратное явление — наступление кочевников — отмечается в XVII—XVIII вв. для Центральной и Восточной Анатолии.

²⁹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20, с. 181. См. также замечания К. Маркса, посвященные Алжиру, в его конспекте книги М. М. Ковалевского (Из неопубликованных рукописей Карла Маркса. — «Проблемы востоковедения». М., 1959, т. 1, № 1, с. 3—9).

³⁰ H. Inalcik. L'Empire Ottoman, с. 99—102.

³¹ Подробнее см.: S. Vriouis. Byzantine Legacy and Ottoman Forms. «Dumbarton Oaks Papers». Wash., 1969—70, vol. 23—24, с. 253—308.

³² A. C. Hess. The Ottoman Conquest of Egypt (1517) and the Beginning of Sixteenth-Century World War. — «International Journal of Middle East Studies». L., 1973, vol. 4, № 1, с. 55—76.

³³ J. Perényi. Formation de l'Etat centralisé Ottoman aux XV—XVII s. — 3-me Congrès international d'études du Sud-East européen. T. 2. Bucarest, 1974, с. 486; J. Reuchman. Historia Turcji, с. 68.

³⁴ А. С. Тверитинова. Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии, с. 21.

³⁵ Е. А. Беляев. Периодизация средневековой истории Турции, с. 89.

³⁶ Роль аянов и их позднейшей разновидности в Анатолии — дербеев лишь в последние годы стала предметом изучения (см.: A. Suček. A. Ajani. Sarajevo, 1964; D. Sadat. Rumeli Ayanlari: the Eighteenth Century. — «Journal of Modern History». Chicago, 1972, vol. 44, № 3, с. 346—363).

³⁷ К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2, с. 146.

³⁸ По мнению Д. Садата, ситуация на Балканах и в Анатолии была во многом схожа с положением в шляхетской Польше того времени (D. Sadat. Rumeli Ayanlari..., с. 358).